



Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход

А.О. Ястребов

Институт российской истории РАН

Регулярные контакты Петра I с Венецианской республикой накануне русско-турецкой войны 1710-1713 гг. возобновились после без малого 10-летнего перерыва. Перед объявлением султаном Ахмедом III войны царь отправил дожу два послания, смысл которых мог быть истолкован одновременно и как призыв к Венеции признать промежуточные итоги Северной войны, и как обращение к православным подданным республики с целью побудить их принять участие на стороне России в надвигавшемся конфликте. Этот эпизод недостаточно хорошо освещён в российской и зарубежной историографии; связь персонажей, посланных царём в Венецию, с Прутским походом также не была специально проанализирована исследователями, поэтому представляется необходимым установить связь между двумя событиями, особенно в контексте изменения российской внешней политики на венецианском направлении.

В марте 1711 г. в Венецию направлен русский консул с целью вербовки рекрутов для открывавшегося театра военных действий на Балканах. Дмитрий Боцис не случайно стал первым русским консулом в Италии: будучи видным представителем греческой общины столицы, он с успехом распространил своё влияние не только на местных греков, но и на славян Далмации, желавших служить русскому царю и сразиться с турками.

Исход Прутского похода не повлиял на работу консульства и торгового представительства. Впоследствии в Венецию были направлены и с успехом действовали агенты русского правительства, имевшие поручения уже коммерческого свойства. Одним из них был граф Савва Рагузинский, выдающийся дипломат и успешный коммерческий агент. Его деятельность была вполне мирного свойства, хотя по-прежнему включала в себя политический мониторинг и легальную разведку. Таким образом, можно утверждать, что возобновление двусторонних отношений, вызванное Прутской операцией, сказалось позитивно на русско-венецианских связях. Начав свою деятельность трудами консула Боциса и дипломатического агента Каретты, имевших полномочия создать второй, Балканский «фронт» в тылу у султана, после 12 июля 1711 г. российское представительство было преобразовано в коммерческое агентство с широкими дипломатическими полномочиями. Этими изменениями открывается новый, плодотворный период в истории двусторонних отношений России и Венеции.

Ключевые слова: Пётр I, Прутский поход, Венецианская республика, консульство, Дмитрий Боцис, Савва Владиславич Рагузинский, Пётр Толстой

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 10.11.2021

Принята к публикации: 10.12.2021

Венецианская республика перестала быть приоритетным партнёром Москвы после радикального изменения направления российской экспансии – с юга на север. Будучи ослабленной постоянными войнами с Турцией, Светлейшая республика к началу XVIII столетия стала, как теперь принято говорить, региональной державой и не принимала участия в судьбах Европы, постепенно превращаясь во внешнеполитическом плане в сателлита Австрии. Однако на османском направлении Серениссима оставалась по-прежнему одним из основных игроков в части как военного, так и дипломатического противостояния туркам.

Русско-венецианским связям этого, второго «петровского» периода (1710-1725 гг.), посвящались исследования как русских и советских, так и современных учёных, а также зарубежных исследователей. Остановимся на наиболее значительных из них.

Дореволюционные российские историки внесли весомый вклад прежде всего в изучение персоналий той эпохи. Так, в Русском биографическом словаре А.А. Половцева находим сведения о большинстве венецианцев, состоявших на царской службе в первой четверти XVIII в. Подробные данные о гражданах Светлейшей республики, служивших во флоте Петра Великого, находим у В.Н. Берха, Ф.Ф. Веселаго и С.И. Елагина (Берх 1831; Веселаго 1875; Веселаго 1885;). В.М. Рихтер, П.П. Пекарский, Я.А. Чистович описали биографии итальянских медиков Петровской России (Рихтер 1814 1820; Пекарский 1862; Чистович 1883). В наше время исследованием венецианского элемента в российских армии и флоте, а также на медицинском поприще занимается М. Корти (Корти 2010; Корти 2014).

Работы Т.К. Крыловой и И.С. Шарковой посвящены политическим и экономическим аспектам связей Москвы и республики в интересующий нас период, представляя собой наиболее глубокие исследования по этой теме в отечественной истории (Крылова 1939; Крылова 1941; Шаркова 1972; Шаркова 1981).

Ч. Пьовене Чевезе и М. Ди Сальво опубликовали и проанализировали редкие материалы, касающиеся участников венециано-русского политических и религиозных связей конца XVII – начала XVIII вв. (Piovene Cevese 1981; Di Salvo 2003; Di Salvo 1999; Di Salvo 1994).

Труды ряда учёных, исследовавших связи Молдавии и Валахии с греческим и славянским миром Балкан, а также с Россией и Венецией в интересующий нас период, исключительно важны для изучения русско-греческо-славянского культурного обмена. В первую очередь в этом секторе исторической науки должны быть названы имена П. Черноводяну, Н. Вэтэману и А. Карафанасиса (Cantemir 1973; Cernovodeanu, Lazea, Carataşu 1973; Vătămanu 1962; Vătămanu, Carataşu 1972; Караθανάσης 2000). Х. Мальтезу посвятила публикацию представителям венецианской греческой общины на службе российских государей в XVIII столетии (Maltezu 2000). Отдельно упомянем монографию Й. Дучича о Савве Рагузинском (Дучич 2000).

С.О. Андросов – автор целого ряда публикаций, посвящённых приобретению в рассматриваемый период произведений искусства по заказу Петра и его окружения, особенно касаясь работы С. Рагузинского в Венеции (Андросов 1984; Андросов 1995; Андросов 2004; Андросов 2013; Андросов 2014).

Несмотря на обилие работ и широкий охват тем, посвящённых русско-венецианским связям интересующей нас эпохи, никто из учёных не посвятил специального исследования той роли, которую сыграл Прутский поход, как наиболее яркая страница русско-турецкой войны 1710–1713 гг., во внешней политике России на данном направлении. Поэтому в настоящей работе хотелось бы проследить взаимосвязь между Прутским походом и изменением политики царя Петра в отношении своего давнего союзника – Венецианской республики, а также привлечь внимание к персоналиям «Прутской акции», показать связь и кадровую преемственность между османским и венецианским направлением политики Петра, где Прут является как бы водоразделом в активности тех или иных персонажей, ведь большинство из них задолго до Прута были вовлечены в русско-турецкие и русско-венецианские дела.

Предпосылки возобновления отношений между Россией и Венецией

В конце Великого посольства состоялось знакомство царя Петра с королем Августом II (31 июля/10 августа 1698 г.), ставшее последним шагом на пути к смене курса внешней политики России и прологом к скорому началу Северной войны (Гузевич, Гузевич 2003: 50). Прекращение связей с Венецией поэтому вполне объяснимо: военная кампания на южных рубежах закончилась, соглашения Карловицкого конгресса, а затем Константинопольский мирный договор 1700 г. обеспечили Петру надёжный тыл для начала Северной войны, а для этого не имело смысла раздражать Порту слишком активными отношениями с её заклятыми врагами – венецианцами. Время же торговых контактов с ними ещё не пришло.

Интерес государя к Венецианской республике и как к военному союзнику, и как к источнику технологий существенно уменьшился, хотя в России оставались ещё тамошние корабельные мастера, и переписка царя и Сената республики была посвящена их отпуску из России.

Дело в том, что в конце 90-х гг. XVII в. в Россию для работы на воронежских верфях отправились 13 корабелов во главе с мастером Якобом Мором. Большинство отпустили обратно ещё в 1699 г., но двое проработали до 1701 г.¹,

¹ *Письма и бумаги императора Петра Великого* (далее – ПБПВ). 1887. Т. 1. Санкт-Петербург. С. 82–85. Кстати, в грамоте от 30 июля 1696 г. (Там же. С. 98–100 и *Памятники Дипломатических сношений России с державами иностранными* (далее – ПДС). 1864. Т. VII. Санкт-Петербург. Ст. 1099–1101) царь обращается к дожу с предложением о заключении формального союза. Переговоры велись в Вене весь 1696 г. через русского посла К. Нефимонова, и предварительный союз с Венецией и Польшей был условием императора Леопольда для подписания русско-австрийского договора.

причём против собственной воли. О них Пётр простосердечно писал дожу Сильвестро Вальеру: «...повелели есмы зделать им галиас, а хотя от того дела вышешепомянутые мастера многократно отрицались, но мы, великий государь, наше царское величество, к сему их принудили»².

В период затишья в двухсторонних отношениях (1701-1710 гг.), во-первых, состоялась поездка в Венецию двух московских эмиссаров – князя Б.И. Куракина в 1707 г. и дворянина Б.Ф. Оладьина в 1708 г. (Крылова 1939: 56; Шаркова 1981: 98-99), а также из Москвы было отправлено письмо царя о родственниках графа Ивана Боциса (от 20 апреля ст. ст. 1707 г.). Грамота была напечатана (с черновика) в «Письмах и бумагах»³, но какого рода проблемы возникли у родственников грека и побудили царя по просьбе Боциса написать дожу А. Мочениго, остаётся неясным (Карданова 2013: 383, 399). К письму прилагался мемориал Боциса, в котором он излагал свою просьбу, однако в папке *Czari di Moscovia* Венецианского государственного архива, содержащей грамоты государей, это приложение отсутствует, равно как и сама грамота. Впрочем, довольно и того, что Пётр энергично вступился за казавшегося ему полезным офицера: «...Понеже пребывающей в службе нашей в морском флоте шоутбейнахт от галер господин контий Боцис всеподданнейше нас просил к вашей светлости и всей светлейшей речи посполитой Венецыйской о заступлении нашем о фамилии своей и сродников, ныне обретающихся во владениях ваших, дабы оных изволили вы иметь в милостивом своем призрении и в требованиях их показывати им доволство, чего ради вашу светлость и светлейшую речь посполитую дружески просим»⁴. Останавливаемся на Иване Боцисе по той причине, что появление в переписке его фигуры очень символично, ибо он и особенно его брат Дмитрий (за которого он, вполне возможно, и просил царя заступиться перед властями) важны в контексте избранной темы исследования.

Таким образом, течение Северной войны, происки Карла XII и претендента на польскую корону Станислава Лещинского, недовольство крымского хана потерей Азова и прекращением русских «поминков», а также общее ослабление России в результате многолетнего противостояния со Швецией заставили султана думать о начале новой войны за недавно потерянные земли. Конечно же, к развязыванию конфликта между Россией и Портой приложили руку и европейские дипломаты, аккредитованные в Стамбуле (Шаркова 1981: 103; Крылова 1941: 272).

Именно по этой причине в преддверии неизбежного конфликта с султаном и возобновились русско-венецианские дипломатические сношения. Первым

² От 28 ноября 1699 г. Хранится: ASVe. Collegio, Lettere principi. F. 13, N 50. Опубликовано: «Царская грамота к Венецианскому князю с извещением об отпуске, согласно прошению, обратно в Венецию восемь человек корабельных мастеров». ПДС. Т. VII. Ст. 1356-1359.

³ ПБПВ. Т. 5. С. 11-12.

⁴ ПБПВ. Там же.

шагом стала миссия посла России в Вене барона Иоганна Кристофа Урбиха. Он побывал в Венеции в апреле 1711 г., причём подробности обсуждавшихся вопросов неизвестны. Видим, что царь в преддверии Прутского похода вновь пробовал активизировать австро-венецианский канал связи, и если грамота дожу о бароне Урбихе была «верительной», то есть не описывала, по какому делу он направлен, упоминая лишь, что «для нужнейших дел, к общему благу и высокой пользе обоих наших стран принадлежащих»⁵, то в письме императору Иосифу I от того же 9 января 1711 г. сказано, что Урбих уполномочен «вести переговоры о наступательном и оборонительном союзе против турок»⁶. Поэтому ничто не мешает предположить, что и в Венеции царь рассчитывал прозондировать возможность получить военную помощь, хотя по своему прошлому опыту он не мог не понимать, что надежда на выступление обеих держав против Порты, мягко говоря, минимальна (Шаркова 1981: 106). Да и царские послания, которые привёз с собой российский посол, не содержали просьбы о военной помощи (Шаркова 1981: 104).

Царские послания от 10 декабря 1710 г.

Итак, важнее самого визита Урбиха те грамоты, что он привёз, а также ответ дожа (от 10 июня н.ст.), который он передал российскому государю. В первой царской грамоте после почти десятилетнего перерыва Пётр не только не предлагал военного союза и тем более не просил о помощи, а наоборот, апеллировал к властям о допущенной ими несправедливости, вступаясь за греческую церковь, отобранную у православной общины митрополитом-униатом Мелетием Типальдом⁷.

Венецианские греки были важным звеном в политике Московского государства ещё со времен Алексея Михайловича, но особенно существенный вклад в развитие новой России внесли они при Петре, находясь как военные и гражданские специалисты на русской службе в самой столице республики и в Петербурге, а в Константинополе будучи задействованы по дипломатической части при после П.А. Толстом (Ястребов 2018: 142, 183).

Казалось бы, в положении Петра следовало быть более деликатным и обсуждать скорее открытие «второго фронта», чем вступаться за национальное меньшинство, вмешиваясь во внутренние дела другого государства. Однако было понятно, что венецианцы, выйдя ослабленными из изнурительной Морейской войны (1684–1699 гг.), вряд ли окажут России военную помощь, тем

⁵ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 31. Н.Н. Бантыш-Каменский предполагал, что целью поездки были торговые вопросы, однако едва ли так было на самом деле (Бантыш-Каменский 1896: 214).

⁶ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 31.

⁷ Оригинал хранится в ASVe. Collegio. Lettere principi. F. 13. № 55, лат. перевод № 56. Опубликовано в выдержках Е.Ф. Шмурло (Шмурло 1897: 55), а затем в таком же виде перепечатана в ПБПВ. Т. 10. С. 427.

более что именно их старший партнёр – император – через своего посланника в Константинополе склонял султана к войне с Россией.

Тем не менее, представляется, что российское правительство рассчитало всё исключительно точно. Итак, царь написал письмо-ходатайство о греческой церкви 7 декабря (ст. ст.) 1710 г. ещё до получения известия об объявлении войны султаном⁸ и отправил его вместе с ещё одной грамотой, в которой приглашал венецианцев к торговле в областях Балтийского побережья, незадолго перед тем отвоёванных у шведов⁹. Как будто бы, грамота, посвящённая торговле и повествующая о победах русского оружия, призвана гарантировать большой вес ходатайству о греческой церкви. На самом же деле фактические адресаты посланий были разными.

Хотя формально первое письмо обращено к венецианцам, его следует рассматривать как часть проводившейся царём работы по поддержке антиосманского движения на Балканах, чему должен был послужить его образ «всеправославного» правителя и фактического главы Русской Церкви (Ястребов 2016: 123, 140). То есть, по сути, оно адресовалось грекам и другим единоверным подданным Светлейшей республики, тем самым показывая, что православные в политике Петра начинают играть роль не только как специалисты для работы в России, но и как стратегический союзник ввиду намечавшегося Петром похода в Молдавию и на Балканы¹⁰, а также как персонал для дипломатических и коммерческих коммуникаций.

Если первое письмо должны были «услышать» греки, то вторая грамота адресовалась непосредственно к венецианцам. В ней сообщалось о победах русского оружия на Балтийском побережье, и итальянские купцы приглашались к торговле. Это был призыв к Светлейшей возобновить политические и торговые связи, а одновременно – выказать отношение к сложившейся внешнеполитической ситуации: ведь Пётр приглашал венецианских купцов торговать на недавно отвоёванных у Швеции территориях, то есть в тяжёлой обстановке накануне Прутского похода он уже писал дожу о торговле. Иными словами, к военным действиям он призывал заинтересованных в них греков, а к торговле – заинтересованных в ней венецианцев.

Царь сообщал в письме: «хотя мы не сомневаемся, что ваша светлость и вся яснейшая Речь Посполитая известные о счастливых предшествах нашего справедливого оружия, которое Всевышний в сей прошедшей компании паки

⁸ Сообщение П.А. Толстого об объявлении Турцией войны пришло в Санкт-Петербург 20 декабря 1710 г., то есть уже после отправки Петром письма в Венецию.

⁹ Хранится: ASVe. Collegio. Lettere principi. F. 13, 57, 59. Текст грамоты впервые опубликован Шмурло (Шмурло 1897: 55–57). Переиздание: ПБПВ. Т. 10. С. 428–429; перепечатан: (Карданова 2013: 528–530).

¹⁰ См. грамоту царя к черногорскому народу от 3 марта 1711 г. «...Сего года весною намерение имеем, дабы не токмо возмощи нам противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владительства его входим (курсив мой – А.Я.) и утесненных православных христиан, аще Бог допустит, от поганского его ига освободить...». ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 118.

против нашего неприятеля короля швецкого знатными викториями благословити изволил. <...> При сем рассудили мы за благо вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой и сие объявить, что ежели которые ваши подданные похотят купечество свое иметь морем или сухим путем как в городах и пристанях наших в новозавоеванных провинциях при Балтийском море, так и во всем нашем государстве, тем дается в том всякая свобода и поволность, равно якоже и иных иностранных приятельских областей купцам, которые в наших государствах торговли свои имеют. И тако вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой подданные могут без всякого сомнение купечество свое в наших государствах для пользы обоих стран отправлять» (Ястребов 2016: 136–137).

Дождь в ответ поздравил царя с победами, то есть определил свою позицию по отношению к Швеции, а следовательно, пусть косвенно, и к Турции, союзнице Карла XII: «мы в первую очередь с полным удовлетворением узнали об успехах, которые принесло Ваше славное оружие в прошедшей кампании. Вы насладились тем счастливым успехом, который соответствует силе имеющегося войска, ведомого прославленным гением Вашего Царского Величества. <...> К такому очевидному свидетельству Вашей особой благосклонности к нам Вы пожелали прибавить доверие, облегчив нашим подданным торговлю в Ваших счастливых пределах. С нашей стороны Вы найдете ту же взаимную готовность принять с одинаковой искренностью купцов Вашего народа, в чем Ваше Царское Величество можете быть полностью уверены, как и в том, что всегда мы о греческом народе печемся и будем печься особенно и относиться к нему, как искони то в Республике нашей заведено, с особенной склонностью и любовью»¹¹.

Учреждение русского консульства в Венеции

Как видим, ответ дожа на царские послания содержит, помимо отмеченных особенностей, приглашение начать полноценные торговые отношения. Вслед за письмами в 1711 г. прибыл в лагуну и консул – Дмитрий Боцис¹², причём русское представительство здесь стало вторым в истории после открытого в 1707 г. Амстердамского и функционировало (с перерывами) более столетия, пережив саму республику Святого Марка (Палакóста 2011: 435-436).

Отметим и то, что положительный отзыв о целесообразности открытия русского консульства со стороны комиссии «Пяти мудрецов над торговлей» последовал 22 июня, то есть всего через 12 дней после отправки ответного письма дожем¹³.

¹¹ Черновик грамоты хранится: ASVe. Senato. Deliberazioni. Corti. Registri 88. F. 118 r.–119. То же: ASVe. Senato. Deliberazioni. Corti. Filza 171. 10 giugno 1711. Опубликовано: (Ястребов 2016: 138-139).

¹² Консульский патент от 2 марта 1711 г.

¹³ См. Сноску 15 ниже.

Дмитрий Боцис был родным братом упомянутого выше Ивана Боциса, приехавшего в Россию в 1703 г. с небольшой группой греков и принятого на службу в чине шаутбенахта (контр-адмирала) российского гребного флота. В отличие от брата-моряка Дмитрий был тесно связан со столицей республики; он ещё в 1698 г. присоединился к православной греческой общине Венеции и на протяжении четверти века активно участвовал в её жизни. С 1706 по 1713 гг. он исполнял обязанности заместителя гвардиана (председателя) братства, представляя в общем собрании выходцев из Навплии. В архиве Греческого института Венеции зафиксированы его неоднократные пожертвования на нужды храма святого Георгия¹⁴. Это говорит о том, что Боцис не «прибыл» в Венецию в буквальном смысле. Он находился там постоянно (Бантыш-Каменский 1896: 214).

Обратим внимание, что патент был выдан всего через неделю после объявления о начале войны, состоявшегося 25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Московского кремля¹⁵. Тот факт, что Пётр назначил на это место родного брата одного из своих ближайших сподвижников, говорит о важности миссии Дмитрия¹⁶. Она была всё же не торговой, а чисто политической – он должен был мобилизовать единоверных (и единокровных) греков, а также население Черногории, Албании и Герцеговины (преимущественно сербов по национальности) на борьбу против османов, для чего ему выделялись значительные денежные средства (Бантыш-Каменский 1896: 214).

Кандидатура Дмитрия могла быть предложена Петру как братом Иваном, так и фигурой, важной не только в контексте русско-турецкого противостояния 1711 г., но и русско-венецианских связей после Прутского похода – «иллирийским графом» Саввой Владиславичем Рагузинским, о котором речь пойдёт ниже.

В том же 1711 г. в Венецию прибыл ещё один дипломатический агент Петра – итальянец Матвей Каретта¹⁷. Как и Боцис, Каретта имел политические задачи, однако был более ориентирован на итальянские государства, в первую очередь на Венецию и Папскую область. Впоследствии ему удалось войти в контакт с властями Генуэзской республики, результатом чего стало открытие её торговых отношений с Россией. Каретта был в курсе и российско-турецких дел, поскольку в течение ряда лет состоял помощником русского посла в Кон-

¹⁴ AAIE. Reg. 134. F. 51 r. Reg. 225. F. 95 r.

¹⁵ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 111. Копия на латинском языке хранится: ASVe. V Savi alla Mercanzia. Busta 24. Без пагинации. Положительный отзыв комиссии «Мудрецов» от 22 июня 1711 г. гласит: «Консульство может быть полезным для торговых дел, так как особой задачей консулов является привлечение коммерции их соотечественников как для собственной, так и для общественной пользы, которая через умножение торговли помогает их личным интересам». Там же.

¹⁶ Граф И. Боцис пользовался заслуженным уважением царя и при бракосочетании его с Екатериной был посажённым отцом жениха. После его смерти (1714 г.) Пётр в знак памяти и уважения к соратнику пожелал оставить себе его шпагу (Берх 1831: 238).

¹⁷ Кредитивная хранится: ASVe. Collegio. Lettere principi. Busta 13. Czar di Moscovia. F. 62; этот текст в русском переводе см.: ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 169. № 4383.

стантинополе П.А. Толстого. Известно, что царь был готов раздавать патенты славянским и греческим каперам, охотившимся на турецкие суда, а также замыслил спровоцировать (и в результате спровоцировал) восстания в турецких Черногории и Албании (Бантыш-Каменский 1896: 214; Дучич 2009: 152–153)¹⁸.

Интересно отметить, что трёх иностранцев-агентов русского правительства, связанных в первой четверти XVIII в. с Венецией, – грека Боциса, итальянца Каретту и серба Рагузинского – объединяло то, что они были завербованы послом в Константинополе П.А. Толстым. К этой группе примыкает Андрей Кассис, приехавший в Венецию в конце правления Петра Великого, и вновь вернувшийся в 1740 г. Он был зятем Ивана Боциса, и о нём скажем ниже.

После завершения русско-турецкой кампании 1710–1713 гг. и победоносного продолжения Северной войны интересы царя и российской знати постепенно перешли из области военной в коммерческую и общекультурную. Самые тяжкие лишения первых лет реформ были позади, любознательность начального периода европеизации также была удовлетворена, появилось хорошее знание европейского и восточного рынков товаров и произведений искусства. И здесь на передний план выходит фигура одного из вдохновителей и организаторов Прутского похода – Саввы Владиславича Рагузинского.

После Прута: деятельность Саввы Рагузинского

К моменту своего приезда в Венецию граф был личностью весьма известной. Начав свою карьеру в конце XVII в. в качестве русского агента в Константинополе, оказывающего услуги русским дипломатам, при Петре Толстом он стал особенно полезен как информатор и купец. Он первым прошёл морем с торговым рейсом из Стамбула в российский Азов. Царь принял его благосклонно, признал за ним графский титул, наградил деньгами и выдал «пожалованную грамоту» на беспошлинную торговлю (Дучич 2009: 91). Уже из их первой встречи Рагузинский вынес для себя убеждение, что предназначение Петра – освободить сербов от османского ига.

Впоследствии Пётр неоднократно командировал Савву в Царьград для связи с Толстым и по другим делам, в основном политического характера, хотя и в коммерции граф был весьма успешен. В период, предшествовавший Полтавской битве, он был интендантом всей русской армии (Дучич 2009: 112).

Владиславич сделался при государе главным советником по вопросам православного Востока (Дучич 2009: 115). Он перестал быть связным П.А. Толстого, а играл самостоятельную и важную роль в планах царя, убеждая его в реальности выхода русских к Адриатическому морю, а то и к берегам Босфора (Дучич 2009: 115). Что такая перспектива не была фантастическим прожектом, а

¹⁸ В ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 424 – письмо капитана Ивана Сумилы Д.Боцису от 10 июля 1711 г.

имела все шансы на воплощение, читаем у оппонента православных, униатского митрополита Мелетия Типальда, отобравшего греческую церковь у общины, за которую и заступался Пётр. Типальд ещё в 1699 г. предупреждал своего корреспондента из числа аристократов, что молодой царь вполне может прийти в греческие области республики (Ястребов 2018: 131, прим. 35). А речь тогда шла не о победителе Полтавской баталии, а о совсем неопытном молодом правителе, в активе которого было лишь завоевание отдалённой татарской крепостцы Азова.

Савва активно помогал Петру в установлении контактов с Дунайскими княжествами, сербами и черногорцами, Дубровницкой республикой, гражданином которой он был (Дучич 2009: 116). Накануне Прутского похода царь направил его к фельдмаршалу Шереметеву в качестве «полномочного министра и советника»¹⁹. Он же вёл переговоры с Молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, увенчавшиеся успехом (Дучич 2009: 142-143)²⁰.

Важную роль Рагузинского в подготовке похода подтвердили сами турки, первоначально требовавшие от окружённого у Станилешти Петра выдать им Кантемира и Рагузинского. Екатерина I в указе о возведении Саввы в графское достоинство Российской империи (1725 г.) особо подчёркивала его заслуги во время Прутского похода (Дучич 2009: 232).

Среди бумаг царя имеется план военных действий против Турции, по всей видимости, составленный Рагузинским. Один из пунктов плана гласит: «В Венецию послать человека умного, кои смог бы разведать тамошние намерения и нам о них донести шифром» (Шаркова 1981: 105, прим. 99). Это подтверждает высказанное нами выше предположение, что Рагузинский и стал инициатором открытия консульства, тем более что Д. Боцис был его близким другом (Шаркова 1981: 125). Косвенно эту гипотезу подтверждает тот факт, что консульский патент Боцису выписан 2 марта 1711 г., а грамота черногорскому народу, в которой славяне призваны к восстанию против османов и за которой наверняка стоит Рагузинский, опубликована 3 марта²¹.

Рагузинский прибыл в Венецию в 1716 г. и оставался там до 1722 г., выполняя различные поручения Петра, прежде всего коммерческого свойства, но не только (Андросов 1984: 60). Пётр снабдил его рекомендательным письмом к дожу, где цель его приезда указана так: «для посещения своей фамилии и исправления порученных ему дел» (Бантыш-Каменский 1896: 215). Действительно, статус графа был частным, он не получил никакого официального наименования, но, тем не менее, был принят дожем, а впоследствии развил такую бурную деятельность, о которой можно с уверенностью сказать, что ветеран Прутского похода

¹⁹ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 492.

²⁰ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 298-299, 302-303, 556, 558.

²¹ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 117-119.

один сделал больше, чем его предшественники Боцис и Каретта вместе взятые. Положение неформального посланника царя, немалые деньги, а также старые знакомства в среде аристократов открыли ему двери не только дворца дожей и светских салонов, но и таможенного ведомства республики. К тому же, он был женат на Вирджинии Тревизан, происходившей из знатного (хотя и обедневшего) рода (Далле Фузине, Андросов 1993: 167).

Рагузинский активно взялся за организацию двусторонних коммерческих рейсов, точно руководствуясь приглашением царя Петра венецианским купцом к торговле с Санкт-Петербургом. С 1717 по 1722 гг. он отправил в Россию шесть кораблей (Шаркова 1981: 129-130). А «в 1718 г. венецианская гавань впервые увидела российский флаг: 7 мая туда прибыл из Санкт-Петербургского порта после многомесячного пути русский военный корабль “Армонт” с грузом казенных товаров. Определение о посылке русского корабля в Венецию было подписано Петром I в Гааге 12 марта 1717 г.» (Шаркова 1981: 130). Рагузинский сообщал, что «венециани со всякой склонностью подданным вашего величества служить обещаются» (Шаркова 1981: 131).

Эти корабли, курсировавшие между итальянскими и русскими портами, везли товары не только казенные, но и собственные Владиславича. Ему было выгоднее провозить свои товары вместе с царскими (зачастую занимавшими значительно меньше места, чем его собственные), ибо так он получал освобождение от европейских и русских пошлин, декларируя все товары как «государевы».

Круг поручений, которые исполнял Рагузинский, был весьма обширен: кроме торговли, скупки произведений искусства и надзора за русскими гардемаринами, это были дела дипломатического характера, а также наём специалистов²².

Дипломатическая часть миссии включала себя информирование о событиях в Италии, о второй Море́йской войне и в том числе о составе турецкого флота. С другой стороны, он сообщал венецианцам о событиях в России, особенно о перипетиях Северной войны, что способствовало повышению престижа России в Венеции и в Европе в целом. Так, признание за Россией статуса империи, провозглашённого 22 октября/2 ноября 1721 г., последовало в Венеции уже 16 декабря, то есть практически сразу по получении сообщения из России. Вероятно, за этим скорым и не вполне выгодным для Венеции признанием (которое было неприятно Австрии) стояли дипломатические усилия С. Рагузинского (Андросов 1984: 62).

Ему же поручались ответственные комиссии, связанные с поиском и приобретением в Италии произведений искусства для дворцов царя и санкт-

²² Венеция в конце 90-х гг. XVII в. привлекала молодого царя именно в части кораблестроения. Не перестало быть актуальным это направление и с началом Северной войны – венецианцы приняли участие как в строительстве, так и в управлении российским флотом. В дальнейшем, как видим, русские навигаторы, в данном случае гардемарины, направлялись в Республику для помощи в боевых действиях и прохождения морской практики.

петербургской знати (Крылова 1939: 73). Так, он возглавил переговоры с госсекретарём Папского государства кардиналом Оттобони о приобретении статуи Венеры для Зимнего дворца в Петербурге и в связи с этим получил аудиенцию у Папы римского (Шмурло 1894: 102-103)²³.

Параллельно с Рагузинским в Венеции работал П.И. Беклемишев (до 1720 г.), прибывший в том же 1716 г. на место Каретты и сумевший наладить государственную торговлю не только с Венецией, но и с Тосканским герцогством²⁴. Его работа, несомненно, связана с русско-турецким конфликтом 1710 г., будучи, как и миссия Рагузинского, в некотором роде его следствием. Беклемишев занимался почти исключительно коммерческими вопросами.

Послесловием к трудам современников и участников Прутского похода стала деятельность в лагуне венецианского грека Андрея Кассиса, советника Мануфактур- и Коммерц-коллегий, посланного в конце правления Петра Великого для найма мастеров, особенно шелководов, виноградарей и табаководов (Μάλλιαρης 2008: 193). Он пробыл в Венеции с 1724 по 1727 гг., результатом чего, среди прочего, стал «Проект о итальянских мануфактурах и мастерах, и обучении тамошних художеств русских учеников», в котором по заданию царя были изложены предложения по перенесению в Россию знаний, связанных в основном с технологиями производства тканей. На проект наложена резолюция Петра (Шмурло 1897: 69). Вернувшись в Россию, Кассис продолжил трудиться на государственной службе, но уже не столь удачно, как при Петре. В период бироновщины он даже угодил в тюрьму. Его женой была племянница консула Д. Боциса, и, возможно, по совету последнего Кассис в 1740 г. вновь поехал в Венецию и оттуда написал прошение на имя императора Иоанна Антоновича с просьбой о назначении его русским резидентом (Шмурло 1897: 25, 28, 57-58). Эта попытка воссоздать российское представительство в Венецианской республике после отъезда консула Д. Боциса успехом не увенчалась. Проступок было оставлено без внимания, вероятно, по причине политических коллизий в России, но сама попытка показательна как своего рода постскриптум ко второму периоду русско-венецианских отношений при Петре Великом, тем более что Андрей Кассис входил в круг братьев Боцисов и С. Рагузинского.

* * *

Неудачный Прутский поход стал отправной точкой для возобновления отношений России с Венецианской республикой, которые следует признать весьма успешными и взаимовыгодными. Оставленное без внимания прошение Кассиса о восстановлении представительства не поставило точку в истории русского консульства в Венеции. С восшествием на престол Екатерины II этот вопрос

²³ Его переписку, а также письма Петра к кардиналу Оттобони опубликованы, см. (Андросов 2013: 97, 118).

²⁴ О деятельности П.И. Беклемишева см. подробнее: (Шаркова 1981: 115, 124; Крылова 1939: 60, 64).

решился положительно: первым консулом после перерыва стал в 1768 г. влиятельный грек маркиз Панос Маруцци (Maltezou 2000: 167, 173; Maltezou 1989: 68, 74; Фадеева 2012). Само консульство просуществовало до 30-х гг. XIX в.

Помимо возобновления дипломатических отношений с потенциальными союзниками в перспективе совместных антиосманских действий на государственном уровне, контакты с Венецией преследовали цель «точечной» вербовки подданных Республики для гражданских и военных целей; примером подобного найма десятью годами раньше был Иван Боцис. И если политическая задача глобального втягивания итальянцев в конфликт с Портой, во многом из-за неудачи Прутского похода, не удалась, то взаимодействие с венецианцами на уровне вербовщиков и торговых агентов сложилось неплохо, и начало ему было положено именно в этот период. Можно даже сказать, что царь не особенно верил, что Австрию и Венецию удастся втянуть в боевые действия, понимая, что они едва ли захотят развязывать новый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Его целью было показать силу реформированного государства, пригласить к взаимовыгодному партнёрству, свободно вербовать рекрутов для балканского театра и работы в России, получать информацию о политической обстановке в Италии.

В конечном счете, именно коммерческие цели, первоначально маскировавшие собой военные приготовления, и вышли на первый план, сделавшись основой будущих двусторонних отношений. Две грамоты, написанные накануне Прутского похода, стали, таким образом, первыми ласточками «русского возвращения» в «город на лагунах», а послание дожа, отправленное Петру в дни военной операции в Молдавии, дало позитивный сигнал к принятию нового положения России на европейской политической карте (доказательством чему вскоре стало признание за её главой титула императора) и готовность к взаимовыгодному торговому сотрудничеству.

Прутский поход явился своеобразным водоразделом в отношениях России и Венеции, из военно-технических навсегда превратившихся торговые и культурные.

Столь впечатляющих результатов нельзя было бы добиться без участия в деле петровских эмиссаров, представлявших собой плеяду незаурядных личностей. Начав свою деятельность как помощники царя по реализации его балканской программы внутри России и за её пределами, впоследствии они модифицировали характер своей работы и с успехом реализовали свои таланты на новом, коммерческом, поприще.

Сокращения:

ASVe – Archivio di Stato di Venezia

AAIE – Antico archivio dell’Istituto ellenico

ПБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

Об авторе:

Алексей Олегович Ястребов – доктор церковной истории, PhD, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви, ИРИ РАН. 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: mirofore@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 10, 2021
Accepted: December 10, 2021

Peter the Great's Venetian Policy and the Prut Campaign

A.O. Yastrebov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-172-190](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-172-190)

Institute of Russian History of RAS

Abstract: Russia's regular contacts with the Republic of Venice on the eve of the Russian-Turkish war 1710-1713 resumed after almost a ten-year break. Before Sultan Ahmed III declared war, the Tsar sent two letters to the doge. They can be interpreted as a call to Venice to recognize the intermediate results of the Northern War and as an appeal to the republic's orthodox subjects to join Russia in the impending conflict. This episode is scarcely covered in Russian and international historiography. The connection of the envoys with the Prut campaign is also not covered in the literature. Therefore, it seems necessary to establish a connection between the two events, especially in changes in Russian foreign policy towards Venice.

In March 1711, a Russian consul was sent to Venice to build support and attract volunteers for the opening theater of military operations in the Balkans. It is no coincidence that Dmitry Bozis became the first Russian consul in Italy. Being a prominent representative of the Greek community of the capital, he successfully extended his influence not only to the local Greeks but also to the Slavs of Dalmatia, who wanted to serve the Russian Tsar and fight the Turks. The outcome of the Prut campaign did not affect the consulate's work and the trade mission. Agents of the Russian government, who had commercial orders, were sent to Venice, and successfully fulfilled their mission. One of them was Count Savva Raguzinsky, an outstanding diplomat and successful commercial agent. His activities were relatively peaceful, although they still included political monitoring and legal intelligence.

The resumption of bilateral relations caused by the Prut operation positively affected Russian-Venetian relations. Since the departure of the consul Bozis and the diplomatic agent Caretta, who had the authority to create a second Balkan "front" in the rear of the Sultan, after July 12, 1711, the Russian mission transformed into a commercial agency with broad diplomatic powers. These changes open a new, fruitful period in the history of bilateral relations between Russia and Venice.

Keywords: Peter I, the Prut campaign, the Republic of Venice, consulate, Dmitry Bozis, Savva Vladislavich Raguzinsky, Petr Tolstoy

About the author:

Alexey O. Yastrebov – Doctor of Church History, Doctor of philosophy (PhD), Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for the History of Religion and Church, IRH RAS 117292 Moscow, Ul. Dm. Ulyanova, 19. E-mail: mirofore@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Καραθανάσης Α. 2000. *Οι Έλληνες λόγιοι στη Βλαχία 1670-1714. Συμβολή στη μελέτη της ελληνικής πνευματικής κίνησης στις παραδουνάβιες ηγεμονίες κατά την προφαναριώτικη περίοδο*. Θεσσαλονίκη: Κυριακίδη. 279 σ. (In Greek)

Μάλλιαρης Α. 2008. Η Πάτρα κατά τη Βενετική περίοδο (1687-1715) Γη, πληθυσμοί, κοινωνία στη Β.Δ. Πελοπόννησο. *Βενετία: εκδ. Ελληνικό Ινστιτούτο Βυζαντινών και Μεταβυζαντινών Σπουδών Βενετίας*. 281 σ. (In Greek)

Μαλτέζου Χ. 2000. Οι αμπασαδόροι της Μεγάλης Μοσχοβίας στη Βενετία και ο Κρητικός Πόλεμος. *Θησαυρίσματα*. № 30. Σ.9-20. (In Greek)

Παπακώστα Χ. 2011. Οι Ρώσοι πρόξενοι στη βενετική επικράτεια το 18ο αιώνα *Ρωσία και Μεσόγειος. Πρακτικά Α΄ διεθνούς συνεδρίου (Αθήνα, 19-22 Μαΐου 2005)*. Όλγα Κατσιαρδή-Hering, Αθηνά Κόλια-Δερμιτζάκη, Κατερίνα Γαρδίκια, συνεργ. Μικέλα Σκούντζου. Τ. Α. Αθήνα. Σ. 419-437. (In Greek)

Cantemir D. 1973. Historian of South East European and Oriental civilizations: Extracts from *The History of the Ottoman Empire*. Ed. Duțu A., Cernovodeanu P. București: Association internationale d'études du sud-est européen, Balkan Peninsula. 360 p. (In Romanian)

Cernovodeanu P., Lazea A., Caratașu M. 1973. Din corespondența inedită a lui Dimitrie Cantemir. *Studii. Revista de istorie*. București. №5. P. 1023-1049. (In Romanian)

Corti M. 2016. *Italiani d'arme in Russia. Artigiani, ingegneri, ufficiali in un esercito straniero (1400-1800)*. Roma: Carocci. 200 p. (In Italian)

Di Salvo M. 2003. Bombe intelligenti per Pietro il Grande. *Studi in onore di Riccardo Picchio, offerti per il suo ottantesimo compleanno*. A cura di R.Morabito; Università degli studi di Napoli, L'Orientale dipartimento di studi dell'Europa Orientale. Napoli. P. 295-301. (In Italian)

Di Salvo M. 1999. Vita e viaggi di Filippo Balatri. Preliminari all'edizione del testo. *Russica Romana*. Vol. 6. Roma. P. 37-58. (In Italian)

Maltezou Ch. 2000. Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento. *Θησαυρίσματα*. №30. P. 167-173. (In Italian)

Maltezou Ch. 1989. Les Grecs devant Moscou – ville imperiale. *Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia*. T. 1. P. 68-74. (In French)

Piovene Cevese C. 1981. *Petr Andreevič Tolstoj: un viaggiatore d'eccezione al tempo di Pietro il Grande*. Genève: Slatkine. 104 p. (In Italian)

Vătămănu N. 1962. Iacob Pylarino, medic al curții domnești din București (1684-1687; 1694-1708). *Din istoria medicinei românești și universale*. București. P. 121-132. (In Romanian)

Vătămănu N., Caratașu M. 1972. Trois lettres inédites de Jean Comnèn. *Revue Roumaine d'Histoire*. №11. P. 137-145. (In French)

Androsov S.O. 1984. Raguzinskii v Venetsii: Priobretenie statuj dlya Letnego Sada [Raguzinsky in Venice: Acquisition of Statues for the Summer Garden]. *Skul'ptura v muzee*. Leningrad. P. 60-83. (In Russian)

- Androsov S.O. 1996. Petr Velikii v Venetsii [Peter the Great in Venice]. Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Cargnano 1994 – Roma. P. 19-27. (Petr I v Venetsii). *Voprosy Istorii*. 1995. №3. P. 129-135. (In Russian)
- Androsov S.O. 2004. *Petr Velikii i skul'ptura Italii [Peter the Great and the sculpture of Italy]* (Pietro il Grande e la scultura Italiana). Saint Petersburg: ARS. 418 p. (In Russian, In Italian)
- Androsov S.O. 2013. Ot Petra I k Ekaterine II. Lyudi, statui, kartiny [From Peter I to Catherine II. People, Statues, Paintings]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. 336 p. (In Russian)
- Androsov S.O. 2014. Otvuki dela tsarevicha Alekseya v Italii [Echoes of the Case of Tsarevich Alexei in Italy]. *Italiya i Evropa. Sbornik pamyati Viktora Ivanovicha Rutenburga*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 238-242. (In Russian)
- Bantysh-Kamenskii N.N. 1896. *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii [Review of Russia's External Relations]*. Ch. 2. Moscow. Tip. E. Lissnera i Yu. Romana. 271 p. (In Russian)
- Berkh V.N. 1831. *Zhizneopisaniya pervykh rossiiskikh admiralov ili opyt istorii rossiiskogo flota [Biographies of the first Russian Admirals or the Experience of the History of the Russian Fleet]*. Ch. 1-4. Saint Petersburg: Morskaya tipografiya. 1204 p. (In Russian)
- Chistovich Ya.A. 1883. *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii [History of the First Medical Schools in Russia]*. Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Treya. 1040 p. (In Russian)
- Corti M. 2010. *Drugie ital'yantsy: vrachi na sluzhbe Rossii [Other Italians: Doctors in the Service of Russia]*. Saint Petersburg: zhurnal «Zvezda». 208 p. (In Russian)
- Corti M. 2013. Kapitan «Malina». Venetsianets iz Adriatiki v Baltiiskom more [Captain "Malina". A Venetian from the Adriatic in the Baltic Sea]. *Klio*. 4(88). 2014. P. 97-103 (Corti M. Capitan «Malina». Un veneziano dall'Adriatico al Mar Baltico. *Collana Sism*. №1. 30 p.). (In Russian, in Italian)
- Dalle Fusine K., Androsov S.O. 1993. O portretakh Savvy Vladislavicha Raguzinskogo [On the portraits of Savva Vladislavich Raguzinsky]. *Stranitsy istorii zapadnoevropeiskoi skul'ptury. Sbornik nauchnykh statei pamyati Zh.A. Matsulevich (1890-1973)*. Saint Petersburg. P. 164–171. (In Russian)
- Di Salvo M. 1994. Vokrug poezdki Ioannikiya Lihuda v Venetsiyu [Around the Trip of Ioannikius Likhud to Venice (1688-89)]. *Ricerche slavistiche*. (XLI). P. 211-226. (In Russian)
- Duchich I. 2009. *Graf Savva Vladislavich. Serb-diplomat pri dvore Petra Velikogo i Ekateriny I [Count Savva Vladislavich. Serbian diplomat at the court of Peter the Great and Catherine I]*. Per. s serbskogo V.N. Sokolova. Saint Petersburg: Skifiya. 304 p. (In Russian)
- Elagin S.I. 1864. *Istoriya russkogo flota. Period Azovskii [History of the Russian Navy. The Azov Period]*. Saint Petersburg: Tipografiya Gogenfel'dena i Ko. 387 p. (In Russian)
- Elagin S.I. 1866. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Baltiiskii flot 1702–1725 [Materials for the History of the Russian Fleet. Baltic Fleet 1702-1725]*. T. III. Saint Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva. 749 p. (In Russian)
- Fadeeva T.M. 2012. Grecheskii proekt v litsakh: markiz Pano Maruttsi, knyazhna Zoya Gika, brat'ya Aleksei i Fedor Orlovy v Arkhipelagской voine (1768–1769) [Greek Project in the Faces: Marquis Pano Maruzzi, Princess Zoya Gika, Brothers Alexei and Fyodor Orlov in the Archipelago War (1768–1769)]. *XVIII Mezhdunarodnye Dashkovskie chteniya. Moskovskii gumanitarnyi institut imeni E.R. Dashkovo*. Moscow. 23 marta 2012. Rukopis'. (In Russian)
- Guzevich D., Guzevich I. 2003. *Velikoe posol'stvo: Rubezh epokh, ili nachalo puti. 1697-1698 [The Great Embassy: The Edge of Epochs, or the Beginning of the Path. 1697-1698]*. Saint Petersburg: Feniks. 305 p. (In Russian)
- Kardanova N.B. 2013. *Diplomaticheskie poslaniya Petra Velikogo dozham Venetsianskoi Respubliki: Tematika, Zhanr, Stil', Epistol'yarnyi etiket [Diplomatic Messages of Peter the Great*

to the Doges of the Venetian Republic: Subject, Genre, Style, Epistolary Etiquette]. Diss. ...dokt. filolog. nauk. Mashinopis'. Moscow. 535 p. (In Russian)

Krylova T.K. 1939. Rossiya i Venetsiya na rubezhe XVII i XVIII vv. [Russia and Venice at the Turn of the 17th and 18th Centuries]. *Uchenye zapiski Leningr. ped. in-ta im. A.I. Gertsena*. T. 19. P. 43-82. (In Russian)

Krylova T.K. 1941. Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoi voyny [Russian-Turkish Relations during the Northern War]. *Istoricheskie zapiski. AN SSSR*. In-t istorii. T. 10. P. 250-279. (In Russian)

Pekarskii P.P. 1862. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. T. 1-2. Saint Petersburg: Obschestvennaya pol'za. 1312 p. (In Russian)

Rikhter V.M. 1814, 1820. *Istoriya meditsiny v Rossii* [History of Medicine in Russia]. T. 1, 2. Moscow: Tip. Mosk. un-ta., 462 p., 531 p. (In Russian)

Sharkova I.S. 1972. Posol'stvo Chemodanova i otkliki na nego v Italii [Chemodanov's Embassy and Responses to it in Italy]. *Problemy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Sbornik statei pamyati akademika E.V. Tarle*. Leningrad. P. 207-223. (In Russian)

Sharkova I.S. 1981. *Rossiya i Italiya: Torgovye otnosheniya XV – pervoi chetverti XVIII v.* [Russia and Italy: Trade Relations of the 15th – First Quarter of the 18th Century]. Leningrad: Nauka. 208 p. (In Russian)

Shmurlo E. F. 1897. Otchet o zagranichnoi komandirovke osen'yu 1897 g. [Report on a Business Trip Abroad in the Fall of 1897]. *Uch. zap. Imp. Yur'evskogo un-ta. Yur'ev*. № 1. Prilozh. 80 p. (In Russian)

Shmurlo E.F. 1894. Otchet o dvukh komandirovках v Rossiyu i za granitsu v 1892/3 i 1893/4 gg. [Report on Two Business Trips to Russia and Abroad in 1892/3 and 1893/4]. *Uch. zap. Imp. Yur'evskogo un-ta. Yur'ev*. № 3. (In Russian)

Veselago F.F. 1875. *Ocherk russkoi morskoi istorii* [Essay on Russian maritime history]. Ch. 1. Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova. 652 p. (In Russian)

Veselago F.F. 1885. *Obshchii morskoi spisok, chast' 1. Ot osnovaniya flota do konchiny Petra Velikogo* [General Naval List, part 1. From the Founding of the Fleet to the Death of Peter the Great]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova. 454 p. (In Russian)

Yastrebov A. O. 2018. *Russko-venetsianskie diplomaticheskie i tserkovnye svyazi v epokhu Petra Velikogo* [Russian-Venetian Diplomatic and Church Relations in the Era of Peter the Great]. Moscow: Poznanie. 392 p. (In Russian)

Yastrebov A.O. 2016. Khodataistvo Petra I za pravoslavnykh Venetsii kak chast' rossiiskoi vneshnei politiki [Peter I's petition for the Orthodox of Venice as part of Russian foreign policy]. *Vestnik PSTGU II. 1(68)*. P. 123-140. DOI: 10.15382/sturII201668.123-140 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андросов С.О. 1984. Рагузинский в Венеции: Приобретение статуй для Летнего Сада. *Скульптура в музее*. Ленинград. С. 60-83.

Андросов С.О. 1996. Пётр Великий в Венеции. *Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Cargnano 1994-Roma. P. 19-27. (Пётр I в Венеции. Вопросы Истории. 1995. №3. С. 129-135).

Андросов С.О. 2004. *Пётр Великий и скульптура Италии (Pietro il Grande e la scultura Italiana)*. Санкт-Петербург: АРС. 418 с.

- Андросов С.О. 2013. *От Петра I к Екатерине II. Люди, статуи, картины*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 336 с.
- Андросов С.О. 2014. Отзвуки дела царевича Алексея в Италии. *Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга*. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 238-242.
- Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России*. Ч.2. Москва: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 271 с.
- Берх В.Н. 1831. *Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота*. Ч. 1-4. Санкт-Петербург: Морская типография. 1204 с.
- Веселаго Ф.Ф. 1885. *Общий морской список, часть 1. От основания флота до кончины Петра Великого*. Санкт-Петербург: Типография В. Демакова. 454 с.
- Веселаго Ф.Ф. 1875. *Очерк русской морской истории*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Демакова. 652 с.
- Гузевич Д., Гузевич И. 2003. *Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути*. 1697-1698. Санкт-Петербург: Феникс. 305 с.
- Далле Фузине К., Андросов С.О. 1993. О портретах Саввы Владиславича Рагузинского. *Страницы истории западноевропейской скульптуры. Сборник научных статей памяти Ж.А. Мацулевич (1890-1973)*. Санкт-Петербург. С. 164-171.
- Ди Салво М. 1994. Вокруг поездки Иоанникия Лихуда в Венецию (1688-89). *Ricerche slavistiche*. (XLI). P. 211-226. (In Russian)
- Дучич Й. 2009. *Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I*. Пер. с сербского В.Н. Соколова. Санкт-Петербург: Скифия. 304 с.
- Елагин С.И. 1864. *История русского флота. Период Азовский*. Санкт-Петербург: Типография Гогенфельдена и Ко. 387 с.
- Елагин С.И. 1866. *Материалы для истории русского флота. Балтийский флот 1702-1725*. Т. III. Санкт-Петербург: Типография Морского министерства. 749 с.
- Карданова Н.Б. 2013. *Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской Республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет*. Дисс. ...докт. филолог. наук. Машинопись. Москва. 535 с.
- Корти М. 2010. *Другие итальянцы: врачи на службе России*. Санкт-Петербург: журнал «Звезда». 208 с.
- Корти М. 2014. Капитан «Малина». Венецианец из Адриатики в Балтийском море. Клио. 4(88). С. 97-103 (Corti M. Capitano «Malina». Un veneziano dall'Adriatico al Mar Baltico. *Collana Sism*. №1. 2013. 30 p.).
- Крылова Т.К. 1939. Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. *Учёные записки Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена*. Т. 19. С. 43-82.
- Крылова Т.К. 1941. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. *Исторические записки АН СССР, Ин-т истории*. Т. 10. С. 250-279.
- Пекарский П.П. 1862. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1-2. Санкт-Петербург: Общественная польза. 1312 с.
- Рихтер В.М. 1814, 1820. *История медицины в России*. Т. 1, 2. Москва: Тип. Моск. ун-та. 462 с., 531 с.
- Фадеева Т.М. 2012. Греческий проект в лицах: маркиз Пано Маруцци, княжна Зоя Гика, братья Алексей и Фёдор Орловы в Архипелагской войне (1768-1769). *XVIII Международные Дашиковские чтения. Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашиковой*. Москва. 23 марта 2012. Рукопись.

Чистович Я.А. 1883. История первых медицинских школ в России. Санкт-Петербург: Типография Я. Трея. 1040 с.

Шаркова И.С. 1972. Посольство Чемоданова и отклики на него в Италии. *Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле.* Ленинград. С. 207-223.

Шаркова И.С. 1981. *Россия и Италия: Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в.* Ленинград: Наука. 208 с.

Шмурло Е.Ф. 1894. Отчёт о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. *Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та.* Юрьев. № 3.

Шмурло Е. Ф. 1897. Отчёт о заграничной командировке осенью 1897 г. *Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та.* Юрьев. № 1. Прилож. 80 с.

Ястребов А.О. 2018. *Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого.* Москва: Познание. 392 с.

Ястребов А.О. 2016. Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики. *Вестник ПСТГУ II.* 1(68). С. 123-140. DOI: 10.15382/sturII201668.123-140.